

НОРМЫ И ЗАКОНОДАТЕЛЬНАЯ ПРАКТИКА В ПОВСЕДНЕВНОЙ ЖИЗНИ МУСУЛЬМАНСКИХ ДУХОВНЫХ ЛИЦ ОРЕНБУРГСКОЙ ГУБЕРНИИ. В I ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА ФУНКЦИИ. ПОНЯТИЕ ПОЛУГЕРУНДИЯ

Муратов Артур Эдуардович

Ассистент, Уфимский университет науки и технологий
artur.muratov.bgu@gmail.com

NORMS AND LEGISLATIVE PRACTICE IN THE DAILY LIFE OF MUSLIM CLERGY PERSONS ORENBURG PROVINCE. IN THE FIRST HALF OF THE XIX CENTURY

A. Muratov

Summary: The prospects for the development of the present and future state system are impossible without studying the past of the peoples who inhabited the territory of the country. Religion was present in the lives of people from the early stages, and several main religious movements gradually developed. One of them is Islam. This article analyzes the norms and evolution of the legal system of the Russian Empire in regulating the activities of Muslim clergy, the influence on the secular legal tradition of the Bashkir society of the Orenburg province in the first half of the 19th century. In recent decades, this problem has been studied quite thoroughly: international conferences, roundtable meetings, and works by scientists in a broad interdisciplinary context are devoted to it, however, the relevance of further study of this topic does not diminish.

Keywords: Islam, Orenburg Mohammedan Spiritual Assembly (OMSA), mullah, everyday life, Muslim law.

Аннотация: Перспективы развития настоящего и будущего государственного строя невозможны без изучения прошлого народов, населявших территорию страны. Религия присутствовала в жизни людей с ранних этапов, постепенно сложились несколько основных религиозных течений. Одно из них ислам. В данной статье производится анализ норм и эволюции правовой системы Российской империи в регламентировании деятельности мусульманских духовных лиц, влияния на светскую правовую традицию башкирского общества Оренбургской губернии в I половине XIX века. В последние десятилетия эта проблема достаточно основательно изучается: ей посвящены международные конференции, заседания круглых столов, работы ученых в широком междисциплинарном контексте, тем не менее актуальность дальнейшего изучения данной темы не уменьшается.

Ключевые слова: мусульманство, Оренбургское Магометанское Духовное собрание (ОМДС), мулла, повседневность, мусульманское право.

Введение

Исторический процесс проникновения и распространения ислама в культуру народа Башкортостана по-прежнему вызывает значительный интерес. Широкий спектр исследований (Аминев З.Г. «Башкирский ислам»: истоки, эволюция, современное состояние / З.Г. Аминев, Л.А. Ямаева. М.: ООО "Издательство ТРИУМФ", 2020. 224 с.; Азаматов Д.Д. Из истории мусульманской благотворительности. Вакуфы на территории Европейской части России и Сибири в конце XIX – начале XX вв./Изд-ние Башкирск.ун-та. – Уфа, 2000. – 102 с. Юнусова А.Б. Ислам в Башкортостане / Под ред. А.В. Малашенко. М.: Логос, 2007; Гарустович, Г.Н. Особенности распространения ислама среди башкир в эпоху средневековья // Уфимский археологический вестник. 2013. № 13. С. 137-143; Галлямов, Р.Р. Основные этапы и направления исламоведческих исследований в современном Башкортостане // Вопросы современной науки: проблемы, тенденции и перспективы: Материалы VII международной научно-практической конференции, приурочен-

ной к Году педагога и наставника. Кемерово: Кузбасский государственный технический университет имени Т.Ф. Горбачева, 2023. С. 29-32.; Сибгаатов, Ф.Ш. Предпосылки формирования и развития тюрко-мусульманской культуры на территории исторического Башкортостана // Вопросы тюркской филологии: Материалы Дмитриевских чтений, 2019. Выпуск XIII. М.: Издательство МБА, 2020. С. 408-419. Антонов И.В. О времени принятия ислама населением Южного Урала // Genesis: исторические исследования. 2022. № 11. С. 74-88. DOI: 10.25136/2409-868X.2022.11.39242 EDN: NCBNDW URL: https://nbpublish.com/library_read_article.php?id=39242 Абдрафикова Г.Х., Игдавлетов И.С., Салихов А.Г. Источниковедческие аспекты истории ислама в России на страницах журнала «Маглюмат». 1908-1917 гг / Г.Х. Абдрафикова, // Вестник архивиста. 2023. № 1. С. 59-72.) последних трех десятилетий, открывающих новые грани мусульманской традиции в общественной жизни народов многоконфессиональной России в различные периоды прошлого, свидетельствует об актуальности этого вопроса.

Продвижение мусульманских идей и их включение в повседневные практики народов Зауралья происходит постепенно, на протяжении нескольких столетий. Значительные перемены, в отношениях между государством и мусульманской уммой восточных регионов Российской империи, происходят во II пол. XVIII – I пол. XIX вв. Именно в этот период, после серии башкирских восстаний, происходит, по мнению Б.А. Азнабаева «реорганизацией башкирского общества 1730-1740-х гг. и начинается постепенная интеграция башкир в социальную, правовую и управленческую систему Российской империи». Среди других мер правительство видит необходимость в принятии мер по изменению конфессиональной политики, рассмотрения более гибких решений для интеграции мусульманских общин в структуру Российского государства.

Материалы и методы

Источниковую базу работы составили нормативно-законодательные источники, позволяющие раскрыть конфессиональную политику Российской империи, материалы, отражают общую практику и прецеденты, влиявшие на формирование указов и распоряжений, регулировавших деятельность мусульманского духовенства на территории Российской империи. Архивные материалы, представленные в фондах Национального архива Республики Башкортостан (НА РБ), а также Российского государственного исторического архива (РГИА), опубликованные источники.

В данной работе были использованы специальные методы исторических исследований: проблемно-хронологический, ретроспективный и сравнительно-исторический, что позволило обширную проблему изучить и представить во временной последовательности. Выделить причинно-следственные основания возникновения новых явлений региональной повседневности башкирских мусульманских общин, сравнить особенности этих явлений, и осмыслить мероприятия со стороны государства по регламентации деятельности духовных лиц мусульманского вероисповедания.

Эволюция развития исламской традиции в Башкортостане, деятельность Оренбургского муфтията, роль мусульманских просветителей в развитии культуры края достаточно широко представлен в трудах З.Г. Аминова, Л.А. Ямаевой, Д.Д. Азаматова, Г.Б. Азаматовой, А.Б. Юнусовой, М.Н. Фаршхатова и ряда других ученых. Современные исследователи повышенное внимание к данному вопросу связывают с интересом к прошлому в целом, и востребованностью следования мусульманским традициям, пусть даже в модернизированном виде в настоящем. Обращаясь к практике взаимодействия правительственных и официальных конфессиональных органов Г.Б. Азаматова, М.Н. Фаршхатов, Д.В. Мухетдинов

сконцентрировали свое внимание на обращениях мусульманских лидеров к сообществам тюрко-мусульман восточных регионов России, отметив, что углубление исламского мировоззрения жителей Уфимской губернии проходило по мере формирования необходимых условий внутри самого башкирского сообщества, приобрело свои особенности в условиях освоения ими новых социальных норм [1, с.64-73].

Несмотря на то, что история ислама в Башкортостане известная тема в научных исследованиях, однако, недостаточно полно освещены правовые основы и нормы, регламентирующие особенности повседневной жизни мусульман и мусульманских духовных лиц Уфимской губернии в дореволюционный период.

Цель: статьи проанализировать государственную конфессиональную политику I половины XIX века, влияние на повседневную жизнь башкирских мусульманских общин Российской империи и её практические результаты.

Результаты исследования, обсуждения

Отношение власти к мусульманскому вопросу начинает меняться к середине 1740 гг., несмотря на действия Новокрещенской конторы, среди народов Поволжья и Зауралья практика крещения встречала скрытое, а в ряде случаев и активное сопротивление. Сенатский указ от 22 июня 1744г., констатирует: «ежели у них, татар, все мечети их сломать, то из того не иное что последовать может, токмо одно им, татарам, в их законе оскорбление». В указе предписывается сохранить мечети, при которых образовалась община не менее, чем 200 верующих мусульман, кроме того, указывалось на возможность строительства нового здания мечети «вновь, вместо сломанной определено будет» [2, с. 185-188]. Также предусматривалось создание перечня всех культовых зданий, контроль за их деятельностью возлагался на губернскую администрацию, при этом в последствие строительство подобных сооружений ограничивалось. На государственном уровне, происходит закрепление социально-повседневной организации мусульман, общины – махалли (прихода), которая чаще всего формировалась вокруг мечети и духовного лидера – имама, исполняли открыто религиозные ритуалы. Однако необходимо отметить, для центра в этот период «этническим лицом» ислама в Поволжье являлись казанские татары (казанлы). «Башкиры и мишари, рассматривались российской властью как представители определенного сословия, а уже затем как мусульмане» [3, с. 8]. Повышение авторитета духовных лиц в регионе, усиление влияния мусульманских проповедников на соплеменников сформировала новые вызовы в конфессиональной законодательной политике.

Екатерина II указом от 17 июня 1773 года (№13996) «О веротерпимости всех вероисповеданий...» [4, с. 775-776] провозглашает изменения в государственной конфессиональной политике, архиереям запрещалось вмешиваться в дела иных вероисповеданий, а разрешение на строительство мечетей передавалось в ведение светских властей.

Потребность в налаживании взаимодействия с местными духовными лидерами, обеспечение их лояльности для решения государственных задач хорошо понималось российским правительством. Из 17 правовых актов, содержащихся в Полном собрании законов Российской империи 1780-1790-х гг., затрагивающих положение подданных исповедующих ислам, 13 отражают вопросы о назначении на должность, нормах, ограничениях и привилегиях деятельности мусульманских духовных лиц. В 1783 г. от 23 января выходит именной указ «О дозволении подданным Магометанского закона избирать самих у себя ахунов» [5, с. 801], который отражает актуальность для мусульманских общин решения проблем связанных со снятием запретов предыдущих периодов – разрешается строительство мечетей, но так, чтобы «в тягость их собственную умножаемы не были». Важнейшей частью документа стало разрешение на избрание из собственной среды ахунов, воспрещение на приглашение мулл из среднеазиатских государств, что позволяло пресекать иностранное влияние на приверженцев ислама в Российской империи.

Решающим для оформления социально-правовых институтов мусульман в Российской империи стало создание по указу Екатерины II от 22 сентября 1788 г. [6, с. 1107]. Оренбургского Магометанского Духовного собрания (ОМДС) (первоначально, Уфимское магометанского закона собрание). Реализация указа осуществилась чуть больше года спустя – Духовное магометанского закона собрание было торжественно открыто 4 декабря 1789 г. в Уфе. До этого времени в столице Уфимского наместничества не существовало ни одной мечети. При установлении местопребывания Духовного собрания принималось во внимание, что Уфа была губернским городом с работающими в этом месте органами государственного управления. Указ регламентировал закрепление в виде духовных чинов лиц, которые уже выдвинулись из среды мусульманских общин, «не иначе, как по учинении им надлежащего испытания и с утверждения Наместнического Правления» [6, с. 1107]. Учреждалось правление, во главе с муфтием Мухаметджаном Хусаиновым «из казанских татар», его помощниками 2-3 муллами (казыями). В целом принятые меры содействовали укреплению позиций мусульманства в Поволжье и Зауралье.

В повседневной практике установленные государством распоряжения и законотворческие инициативы не вступали в противоречия с устоявшимися нормами

башкирских мусульманских общинах, по сформировавшемуся порядку, лицо духовного звания, выбиралось членами мусульманской местной общины. Архивные данные фонда 295 (Национальный архив Республики Башкортостан (далее НА РБ). Ф.295), (материалы сохранили сведения об утверждении мусульман в духовных званиях с 1790 г. по 1919 г., в дополнительной описи имеются дела содержащие списки мулл и их заместителей, оформленных духовным собранием 1919 г. (НА РБ Ф.295. Оп.1а. Д. 16-18.)), свидетельствуют о том, что выдвижение общиной кандидатов происходило уже с 1790 года. По предписанию губернских властей ОМДС проводит испытания, по окончании которого претендентам выдавались свидетельства. Духовные места закреплялись за людьми «верными» и «доброго поведения». Так были рассмотрены в 1790-1791 гг. дела по утверждению в духовных званиях мусульман и назначении их в мечеть из деревень: Новой Адзитарово Стерлитамского уезда (НА РБ Ф.295.Оп.4. Д.3.), Дуван- Мечетлинска Уфимского уезда (НА РБ Ф.295.Оп.4. Д.4.), д. Куяново, д. Тюрюшево Белебеевского уезда (НА РБ Ф.295.Оп.4. Д.14, 19.) и др., правительство регулярно подтверждало, что местное управление духовными делами исповедующих ислам принадлежит местному и приходскому духовенству (Свод законов Российской империи. СПб., 1857. Т. XI. Ч. 1: Уставы духовных дел иностранных исповеданий. С. 210 <https://runivers.ru/bookreader/book388211/?ysclid=m1yac1yi64773119560#page/2/mode/1up>). Духовенство вовлекается в местную систему управления, 30 ноября 1806 г. был ратифицирован сенатский указ № 22376 [7, с. 898], согласно которому разрешалось брать на «статскую службу Татар из духовного звания, (имелись ввиду мусульмане)» предлагалось брать образованных лиц, не задействованных в ведомствах в качестве канцелярских служащих.

Важным законодательным актом в выстраивании институтов управления в конфессиональной сфере, стал Манифест от 25 июля 1810 г. об учреждении министерств. Было образовано Министерство духовных дел и народного просвещения, в которое в свою очередь вошло ОМДС. Данный орган в 1832 г. перешел в ведение МВД как Департамент духовных дел, в число своих функций включал развитие государственно-церковных отношений, в том числе и с представителями мусульманского вероисповедания.

В начале XIX в. на значительной территории Башкирского края, входившего в Оренбургскую губернию, происходит подъем строительства мусульманских культовых сооружений «в 12 уездах Оренбургской губернии было 1258 деревянных и 4 каменные мечети» [8, с. 15]. В среде башкир, мечеть представляла собой отдельно стоящее здание. Та часть, которая находилась на кочевьях, в качестве мечети могла рассматривать юрту имама или муллы, происходит рост числа просвещенных

мусульман. Этнограф и фольклорист, участник экспедиций конца XIX века С.Г. Рыбаков, посетивший Уфимскую губернию, отмечал, что ему не удалось наблюдать ни одной башкирской деревни, в которой не было бы мечети. Краевед М.В. Лоссиевский писал: «...где мечеть, там есть мулла, там и мектеб, и медресе» [9, с. 5]. Позиции исповедников ислама во второй четверти XIX века в Поволжье и Зауралье укрепляются.

Ко второй четверти XIX века происходит расширение нормативно-правовой основы, регламентирующей жизнь мусульман различных губерний России. Значительную часть указов и распоряжений можно разделить на две части общие и локальные (топические). Общие – относились к социальным аспектам, связанным с привилегиями и сословными правами лиц, встраиваемых в институты мусульманского духовенства. Духовенство освобождалось от уплаты податей, устанавливалось правило неприменения телесных наказаний, закреплялись права, в отправлении религиозных служб и обрядов, отношения к культовым зданиям и т.п. К локальным могут быть причислены указы и распоряжения, затрагивающие повседневную жизнь и деятельность сообществ отдельных губерний Российской империи.

В исследуемый период законодательно оформляются различные правила повседневной жизни и сфер общественной деятельности мусульман и мусульманских духовных лиц, отразившиеся в группе общих законодательных документов. В политических, торговых, социальных, бытовых отношениях появлялась необходимость определения точного возраста, принадлежности к определенным сословным группам, семейного положения, обязанности в исполнении рекрутской повинности и т.п. Осуществление муллами на высоком квалифицированном уровне культовых обрядов, связанных с рождением, браком и смертью, определило вовлечение в Российской империи их к исполнению служебной деятельности по фиксированию актов гражданского состояния. Одновременно из нескольких губерний, в том числе и из Оренбургской, в 1826 г. поступает предложение возложить на духовных лиц мусульманского вероисповедания, по примеру других конфессий, ведение метрических книг. Был принят указ 21 сентября 1828 г. «О введении в употребление метрических книг по Оренбургскому Духовному Магометанскому управлению» [10, с. 837-840]. Особо подчеркивалось, что фиксирование записей в метрических книгах, куда вносились данные о рождении детей обоюбого пола, сведения о их родителях, даты смерти, важно для самих мусульман, особенно при проведении спорных дел, для поиска «справедливой защиты закона».

Важной сферой регулирования повседневной жизни и бытового уклада, населения в законодательстве станет сфера семенного права. Указы, регулирующие брачные

отношения; фиксируемые в них нормы не вступали в противоречие с установлениями шариата, скорее закрепляли уже сложившиеся правила. В 1830 г. от 19 июля (№3807) выходит указ [11, с. 740], запрещавший священникам венчать несовершеннолетних, однако в восточных регионах полагали, что он не распространяется на мусульман. Данное распоряжение часто нарушалось, А.З. Асфандияров приводит многочисленные случаи, по его подсчетам в 1834 в Оренбургском уезде среди исповедующих ислам «в 27 деревнях ранний брак зафиксирован в 96 семьях из 1080, что составляет 8,8% от всех семей» [12, с. 51], среди жен встречались вступившие в брак 13, 14 и 15-летние девушки, также мужья в двух случаях достигли лишь 13-летнего возраста. В целом среди башкир такие браки не приветствовались. В 1834 г. был введен сбор с заключения браков магометанами, который также шел на финансирование Собраний. В связи с данными обстоятельствами в 1835 г. правительство подтверждает запрет на ранние браки среди мусульман указом от 22 марта 1835 г. (№7990) «О распространении на исповедующих магометанскую веру постановления, воспрещающего венчать браки, если жених или невеста не достигли узаконенных лет» [13, с. 266].

К локальным актам, регламентирующим повседневные отношения, можно отнести решение Департамента законов Государственного Совета о распространении на ОМДС порядка производства дел о неповиновении детей родителям, согласно которому дела подобного рода передавались из Совестных судов в ведение «Магометанской духовной власти и рассматривались по обрядам и законам сего духовенства» [11, с. 236]. Также в ОМДС передавались полномочия об определении имущественных прав наследников в случае получения или раздела имущества, согласно указу 11 мая 1836 г. «О праве Оренбургского магометанского духовенства решать дела о разделе частной собственности между наследниками» [14, с.504] Особо подчеркивалось, что в подобных делах необходимо руководствоваться законами исламской законодательной традиции, кроме того, оговаривалось, что если стороны будут не довольны решением, то дело передается обыкновенным судебным местам и рассматривается общим государственным порядком. Так в 1836 г. в ОМДС были рассмотрены дела по прошению башкира Абдулвахитова А. (Белебеевский уезд) о разделе имущества оставшегося после смерти отца, по прошению тептерья Габдулатирова Г. (Мензелинский уезд) о разделе имущества между наследниками, юртового старшины Кайсарова Г. Башкирского кантона (Оренбургский уезд), по рапорту ахуна Ташеутдинова Х. о разделе имущества между купеческими детьми (Стерлитамакский уезд) (Национальный архив РБ Ф.295.Оп.4. Д.981, Д.1000, Д.1023, Д.1027) и т.п. К 1865 г. из более чем 750 дел рассмотренных ОМДС 84 касались имущественных отношений [15, с. 140].

Часть нормативных актов формировалась в результате рассмотрения конкретных ситуаций. Одним из самых острых вопросов повседневной жизни мусульман в к. 1820-нач. 1830-х гг., стал вопрос о практике погребений покойных. 9 февраля 1827 г. (№ 893) принимается указ Государственного Совета, утвержденный императором о закреплении нормы закона от 21 января 1704 года [16, с. 168], запрещавший предавать земле тело усопшего ранее трех дней. Указ касался, прежде всего, проблем, связанных с полицейским расследованием. В 1829 г. перед правительственным Сенатом встал вопрос об употреблении данной меры среди мусульманского населения. Вопрос был рассмотрен Духовным собранием. Несмотря на возражения и неприятие данного указа значительной частью собрания «муфтий ОМДС Г. Габдрахимов заявил, что закон 9 февраля 1827 г. можно распространить на мусульман» [17, с. 32]. Представленное правило было принято Указом Сената 13 мая 1830 г. [11, с. 168]. Однако, в большинстве общин на территории Оренбургской губернии, не смотря на давление со стороны губернской администрации не исполнялся [17, с. 32].

На территории Оренбургской губернии при военных подразделениях служили мусульманские духовные лица, полковые муллы, они также избирались двумя третями голосов, но окончательно утверждались генерал-губернатором. Жалование этих духовных чинов было сравнительно небольшим, в 1833 году императорским указом от 16 января указом, направленным в Департамент военного министерства, предписывалось «полковым Муллам Башкирских полков, находящихся на службе повысить жалование по окладу со 150 до 300 руб. ассигнациями в год» [18, с. 9]. По сведениям 1851 г., полученным в результате ревизии, проведенной Оренбургским губернским правлением в 23 казачьих поселках, действовали 28 мечетей (24 соборных и 4-5 временных), в них служили 47 духовных лиц, в том числе 1 мухтасиб, 2 имама, 2 мударриса и 20 муэдзинов [15, с. 99-100].

В отличие от православного духовенства мусульманские священнослужители в Российской империи не составляли отдельного сословия, а их гражданские права и обязанности зависели от принадлежности к крестьянству, казачеству, мещанству, купечеству или другим сословным группам. В указе 1826 года отдельно привлекалось внимание к сословной принадлежности указных мулл, отмечалось «духовные чины Оренбургского Магометанского округа подлежат платежу повинностей, смотря по сословию» [19, с. 911]. Тем не менее, на протяжении XIX века происходит постепенное вхождение мусульманского духовенства в управленческие структуры России. Предоставляемые им льготы формировали социальную зону защиты их благосостояния, личного достоинства, права на образование, что выделяло мусульманских исповедников в привилегированную группу с особыми правами и определенными обязанностями

Муллы и ахуны за отправление духовных треб получали дополнительный приработок, в тоже время, выдвинутые из общинной среды они не имели возможности в полной степени посвятить себя повседневным традиционным для семьи видам деятельности: занятиям аграрному труду, торговле или ремеслам. Они испытывали сложности в исполнении повинностей наряду с другими членами мусульманского общества из-за стабильной загруженности в приходе, наставление и проведении ежедневных пятикратных молитв, осуществлении обрядов, проведении занятий для детей в конфессиональных школах. Поэтому правительство с сочувствием относилось к прошениям по смягчению повинностей, так по указу от 2 апреля 1834 г. служители ислама освобождались от сборов на отправление почтовой гоньбы, а указом от 13 февраля 1837 г. – «также от уплаты взносов на составление запасного капитала вместо хлеба» [20, с. 118]. Учет исполнения законов и норм контролировался духовными чинами, в тоже время и представители духовенства допускали правонарушения. Одним из распространенных нарушений было уклонение от прохождения официальной процедуры прохождения на должность. В качестве критериев борьбы с нарушителями, т.е. с «простолоудинами», по обозначению таких лиц в ОМДС, рекомендовалось побуждать мусульман отступить «от самовластия» и придерживаться установленных правил. В противном случае следовало воспрепятствовать выполнять им обязанности, в крайнем случае – необходимо было передать в судебные инстанции.

Статус духовных лиц среди единоверцев неуклонно повышался. К службе в качестве муллы можно было приступить не ранее 24 лет, первые шаги осуществлялись в родном селе, в роли помощника, либо второго муллы, в ряде случаев могла перейти по наследству. Известны целые династии духовных лиц – Амины, Салмановы, Габитовы, Узбековы и др. [10, с. 119]. В тоже время молодые муллы могли найти освободившееся место. Нередки случаи, когда местные указные муллы не соглашались на избрание конкурента, в подобных обстоятельствах направлялись многочисленные жалобы в губернское правление, возникали споры и конфликты. Несмотря на существующие нормы, 21 октября 1837 года был утвержден указ «О порядке избрания мулл и других духовных чинов к магометанским приходам» [21, с. 801 №10594], где подробно излагались требования к избранию духовных лиц. Вновь привлекалось внимание о количестве лиц, поддержавших кандидата (не менее 2/3 от числа голосовавших), указывалось о присутствии на собрании волостных голов и сельских старост, для военных, присутствие кантонных начальников и юртовых старшин; в выборе не должны были принимать участие неотделенные младшие члены семьи.

Для Оренбургского собрания, с добавлением нового персонала, расширились обязанности и полномочия 15

января 1836 г. были ратифицированы штаты и оклады, от казны ежегодно на их содержание выделялось 4430 руб. 55 коп. Положением 30 марта 1843 г. [22, с. 182], штаты ОМДС дополнялись для «занятий по денежной части» столоначальником и двумя канцелярскими служащими, которым определялось жалование общее для чиновников подобного класса. О повышении статуса мусульман и изменения отношения к ним свидетельствует высочайшее мнение, получившее силу закона «О правах магометан на почетное гражданство» от 8 марта 1843г. [22, с. 16.], согласно, которому это право получали не только купцы их законные жены и дети, но и духовные лица, при обязательном подтверждении со стороны Магометанского духовного правления. В фонде Департамент геральдии Сената сохранились описи лиц и родов, утвержденных в потомственном почетном гражданстве, среди них – башкирец Ишметьев Аблубасыр, Казяхметевы башикиры из обер-офицерских семей, башкир Курбангалий Мустафин (РГИА Ф. 1343 Оп. 39 Д. 1881,1909,3225) и др.

Важной частью повседневной деятельности мусульманского духовенства являлось исполнение общих богослужений, обращение с проповедью и наставление военнослужащих. Это духовное сопровождение осуществлялось, чаще всего, во время еженедельной пятничной молитвы, либо в период общих военных сборов. На мусульманских священнослужителей, возлагалось исполнение одной из главных духовных потребностей, как простых общинников, так и военнослужащих – похоронного обряда. Эта норма отдельно уточнялась, т.к. по законам имперского военного законодательства каждый военнослужащий имел право быть захороненным по традициям и почестями, подобающим его воинскому званию, и в соответствие с правилами своей религии. С 1833 г. священнослужители должны были присутствовать на присяге, которая для военных из мусульман проходила на территории мечети. Правительство, сталкиваясь с нарушениями и спорами по части осуществления некоторых духовных треб мусульманского населения кантонов, обращается с указом от 14 января 1844 г. «О совершении духовных треб воинским чинам Магометанского исповедания, в городе Уфе квартирующим» [4, с. 33]. В нем подтверждается, что осуществление обрядов и других религиозных обязанностей по отношению к военным мусульманам временно находившихся в Уфе, должно осуществляться Имамом и Азанчеем Уфимской соборной мечети, которые ориентировались, прежде всего, на гражданское население. За прибавление обязанностей эти духовным лицам определялось жалование в 90 и 50 рублей серебром.

В тот же период происходят изменения, связанные с регламентированием строительства новых зданий мечетей. Указ от 18 января 1844г. «О постройке мечетей по ведомству Оренбургского Магометанского духовного собрания по новым планам и фасадам» [4, с. 41] был

связан как со сменой эстетических предпочтений, так и с изменениями повседневной культуры в городах и селах. Прежде всего, предполагалось выведение или отделение культовых зданий от плотных застроек центра, во избежание пожарных опасностей, что было не редким для деревянных построек XIX века. С другой стороны, идея создания образцовых, упорядоченных поселений коснулась и восточных регионов, где предлагались образцы для культовых сооружений, в целом с опорой на традиционную исламскую архитектуру, характерную для мечетей и минаретов народов Поволжья. В 1842-1843гг. в Оренбургской губернии была проведена сенаторская ревизия, которая показала, что стороны мусульманского духовенства и лиц, претендующих на должность муллы, допускаются нарушения и отклонения от существующего законодательства. Ревизию проводил сенатор тайный советник Алексей Никитич Пещуров, который среди прочих нарушений привел в пример три дела, где обнаружил «излишняя опека местных властей Оренбургского магометанского духовного собрания» [23, с. 143]. Ревизия показала, что решения ОМДС со стороны губернского правления часто ставились под сомнения, затягивались и не принимались в уездах к исполнению. Часть прав мусульманских духовных лиц не исполнялись.

После ревизии были сделаны выводы, среди мер по устранению недостатков стал указ 23259 «О степени власти Оренбургского Магометанского Духовного Собрания в определении взысканий с мулл» от 21 мая 1849г. [24, с. 284], который подтверждал полномочия ОМДС. Указывалось, непосредственной властью для мусульман является духовное собрание, именно оно наделено обязанностями следить за деятельностью мулл, при необходимости может выносить решения как по ограничению их работе, так и в полном отстранении от должности, при этом отменить решение ОМДС губернское правление не может. В случае жалоб они рассматриваются губернатором, при необходимости в Главное Управление духовными делами иностранных исповеданий. Также, согласно указу от 20 февраля 1850г., расширился перечень священнослужащих освобождавшихся от рекрутских повинностей, теперь указывались, наряду с высшим духовенством, муллы и ахуны «которые в городах и деревнях служат обществу своему исполнителями обрядов их веры» [25, с. 126].

Заключение. Проводимая государством политика в I половине XIX в. привела к проникновению в повседневную жизнь мусульман системы правового регулирования национально-религиозных отношений. Существование широкого состава мусульманского духовенства на местах, осуществление ими в целом квалифицированных действий по организации проведению духовных обрядов, связанных бытом, с появлением на свет детей, созданием семьи и внутрисемейными отношениями, наследием и смертью, определило передачу части госу-

дарственных полномочий мусульманскому духовенству в Российской империи.

Государство так же смогло соблюсти баланс в регламентации отдельных областей гражданско-правовых отношений, включив отвечающие потребностям широкой части мусульманского населения нормы шариата в свою юридическую систему. В итоге в Российской империи муллы обладали как авторитетом, так и значительными полномочиями, выступали в качестве независимых

посредников, представителей общины в выдвижении просьб и инициатив, поверенными в делах и миротворцами, третейскими судьями решения которых не были непреложными для осуществления и не закреплялись принудительной силой государства. Реализация административных и судебных функций, по существу, трансформировало избираемое общественное мусульманское духовенство в служебных лиц, что обуславливало их двойственное положение в гражданско-правовой системе Российской империи.

ЛИТЕРАТУРА

1. Азаматова Г.Б., Фархшатов, М.Н., Мухетдинов Д.В., Озтюрк М. Фетвы оренбургских муфтиев в контексте социокультурных трансформаций в Урало-Поволжье (XIX - начало XX в.) // Вопросы истории. – 2023. – № 5-1. – С. 64-73.
2. Загидуллин, И.К. Звания мусульманского приходского духовенства в округе Оренбургского магометанского собрания (конец XVIII – начало XX века) / И.К. Загидуллин // Филология и культура. – 2013. – № 1(31). – С. 185-188.
3. Аминев З.Г., Ямаева Л.А. О «вторичной» исламизации башкир (XVIII–XIX вв.) // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. 2019. №1 (93). –С.8.
4. Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 19: 1770-1774: [№ 13401-14232]. – 1830., 1081с.
5. Полное собрание законов Российской империи. СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 21: С 1781 по 1783: от № 15106 до 15901. – 1830. 1085 с.
6. Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 22: 1784-1788: [№ 15902-16738]. – 1830. 1168с.
7. Полное собрание законов Российской империи. [Собрание 1-е. С 1649 по 12 декабря 1825 г.]. – СПб.: Тип. 2-го Отд-ния Собств. Е.И.В. канцелярии, 1830. Т. 29: 1806-1807: [№ 21983-22736]. – 1830. – 1372с.
8. Ислам на территории бывшей Российской империи. Энциклопедический словарь. Том I / Р.Р. Хайрутдинов и др.; сост. и отв. ред. С.М. Прозоров. – Москва: Изд. фирма «Восточная литература» РАН. 2006. – 655 с.
9. Рыбаков С.Г. Ислам и просвещение инородцев в Уфимской губернии. СПб., 1900. –28с.
10. Полное собрание законов Российской империи: собр. 2-е: [в 55 т.]. Т. 3: 1828. От № 1677 до 2574. – 1830. –1642 с.
11. Полное собрание законов Российской империи: Собрание второе (с 12 декабря 1825 г. по 28 февраля 1881 г.) Т. 5. Отделение 1-е: 1830. От № 3399-3882. – 1831. –825, 294с.
12. Асфандияров А.З. Башкирская семья в прошлом (XVIII - первая половина XIX в.). – Уфа: Китап, 1997. – 104 с.
13. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830-1885. – Т. 10: 1835, отд-ние 1: от № 7717-8356. – 1836. – 918 с.
14. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. – СПб.: Тип. 2-го отд-ния Собств. ее императ. величества канцелярии, 1830-1885. Т. 11. Отделение 1-е: 1836. От № 8739-9493. – 1837. – 895 с.
15. Азаматов Д.Д. Оренбургское магометанское духовное собрание в конце XVIII–XIX вв. – Уфа: Гилем, 1999. 189 с.
16. Полное собрание законов Российской империи: собр. 2-е: [в 55 т.]. Т. 2: 1827. От № 800 до 1676. – 1830. –1561 с.
17. Азаматова, Г.Б. Между российской правовой системой и нормами шариата: судьба закона 13 мая 1830 г. "О неотступлении от общих правил при погребении мусульман" / Г.Б. Азаматова // Oriental Studies. – 2022. – Т. 15, № 1. – С. 28-36.
18. Полное собрание законов Российской империи: собр. 2-е: [в 55 т.]. Том VIII. Отделение 1. 1833 г.
19. Полное собрание законов Российской империи: собр. 2-е: [в 55 т.]. Т. 1: от № 1 до 799. – 1830. –1525 с.
20. Денисов Д.Н. Мусульманское духовенство как привилегированная группа в социальной структуре Российской империи XIX века // Вестник ЧелГУ. 2011. №12. С. 117-119.
21. Полное собрание законов Российской империи: собр. 2-е: [в 55 т.]. Т. 12. Отделение 1-е: 1837. От № 9825-10631. – 1838. –822 с.
22. Полное собрание законов Российской империи: собр. 2-е: [в 55 т.]. Т. 18. Отделение 1-е: 1843. От № 16404-17471. – 1844. –842 с.
23. Гвоздиков И.М. Миссия сенатора А.Н. Пешурова. Сенаторская ревизия в Оренбургской губернии. 1842-1843 гг. // Бельские просторы. – 2007. – №6. С. 141 – 162.
24. Полное собрание законов Российской империи: собр. 2-е: [в 55 т.]. Т. 24. Отделение 1-е: 1849. От № 22881-23429. – 1850. –635 с.
25. Полное собрание законов Российской империи: собр. 2-е: [в 55 т.]. Т. 25. Отделение 1-е: 1850. От № 23787-24500. – 1851., 762 с.

© Муратов Артур Эдуардович (artur.muratov.bgu@gmail.com).

Журнал «Современная наука: актуальные проблемы теории и практики»